

КРОКОДИЛ

№ 26 Москва, сентябрь

Издание газеты „Правда“ 1934

к 556

13

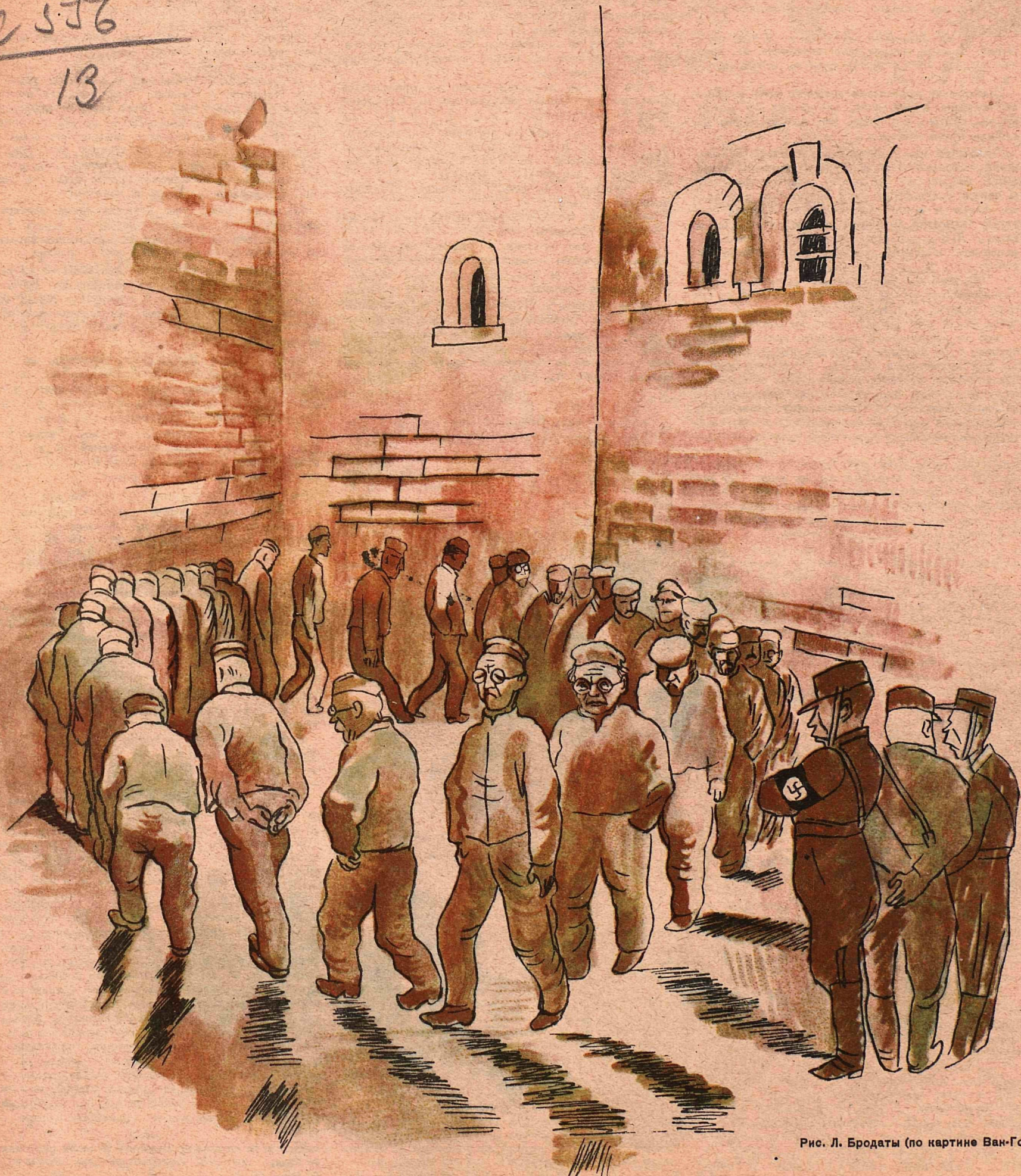

Рис. Л. Бродаты (по картине Ван-Гога)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК В ГЕРМАНИИ

Набухшая скользкая дверь отворилась, пропустила в прохладный предбанник матовое облако пара и белую тшедущую фигурку.

— Б-р-р-р... Не топят, черти! Экономят! Простужают купающееся население, — выругался про себя Сельдереев и мелкой рысцой пробежал к угловому дивану. Его вещей там, где он раздевался, не оказалось. На его месте сидел бритоголовый толстяк, завернутый в мохнатую простыню, и потягивал из огромной кружки хлебный квас. Рядом — веснучатый курносый мальчишка зашнуровывал ботинок, обиженно всхлипывая и сопя носом.

— Ты мне поскули... Получил — и еще получишь! Я тебе тысячу раз повторять не буду, что сначала штаны нужно одевать, потом ботинки... Я те поскулю!..

Сельдерееву решительно никакого дела не было до толстяка и его сына, он дрожал от холода, щелкая зубами; и вообще, что за нахальство занимать чужое место.

Сельдереев уже собирался накинуться на толстяка с проклятиями, как вдруг мохнатое полотенце, брошенное на голову, закрыло ему лицо и чьи-то услужливые руки засуетились, вытирая его плечи и спину. Он обернулся. Перед ним стоял невысокий человек в сомнительно белом халате. Лоб его блестел, покрытый каплями испарины, намоченные кончики усов грустно повисли.

— Не извольте беспокоиться, — скороговоркой пролепетал он, — вещички ваши целы-с. Я их вот сюда перенес. Тут им спокойнее будет. И ботиночки ваши тут же. Не извольте беспокоиться. У нас не пропадет. У нас хоть тысячу рублей положи — не пропадет. Конечно, которые с часами, тем лучше часы сдавать... Разрешите правый бочок оботру. Хорошо мылись? Пар сегодня нехороший, слабый пар. Давеча пар был хороший, изволили опоздать... Может, кваску прикажете?..

Сельдереев пытался сам ухватиться за полотенце, но человек с усами предупреждал каждое

его движение и суетился вокруг него с головокружительной быстротой.

— Рубашечку я вам вынул-с. Разрешите мыльце. Сейчас мы его уложим. И мочалочку разрешите. Курите, курите, это ничего, что написано. Мало, что напишут там...

Сельдереев вздохнул и хлебнул глоток квасу. Человек с усами не унимался. Он сложил в чемоданчик белье, полотенце, мочалку, мыло, еще раз сбегал за квасом, но, возвратившись и увидев, что Сельдереев вывернул до половины носок, намереваясь натянуть его на ногу, присел и стал помогать ему в этом несложном занятии.

— Уж вы не тревожьтесь. Вы сидите спокойно. После бани всегда спокойн нужен. Сейчас вам ботиночки наденем.

«Что это он из кожи лезет, — поморщился Сельдереев. — Прямо неудобно как-то. Холуйство какое-то получается...»

Но тот уже закончил операцию с ботинками, и Сельдереев, набросив пиджак и причесавшись перед квадратным запотевшим зеркалом, взял чемоданчик и направился к вешалке.

— Разрешите получить, — вежливо напомнил человек в халате.

— Ах, да! — Сельдереев вынул из кармана мелочь. — Сколько?

— Квасу две бутылки — восемьдесят, шаечку брали ноги мыть — полтинник, значит всего три рубля.

— Это за что же?

— За услуги-с. Наше дело — услужить, ваше дело — заплатить. Уж как полагается! «Вот живодеры», — подумал Сельдереев, но ронять своего достоинства не захотел и, отдав три рубля, надел пальто и кепку и, хлопнув дверью, вышел на улицу.

Банщик Антиох Вафля сегодня торопился. Настроение у него было хорошее. Давеча жена ку-

пила на Трубном рынке свинины и огурцов, сам он днем забросил домой две литровки — надо было не ударить лицом в грязь перед приехавшим из провинции братом. Он сбросил халат и поглядел в зеркало. «Побриться бы надо, — подумал он, — усы малость подправить, все-таки гости, а время уж девять. Побегу скорей».

Посетителей в парикмахерской было немного, и не успел Антиох Вафля перелистать прошлогодний номер журнала «Нефтяное дело», предназначенный для скрашивания томительных минут ожидания, как зычный голос крикнул:

— Чья очередь, пра-а-шу!

Он сел в кресло и сказал выросшему перед ним парикмахеру с безупречным пробором и фантастическим локоном на лбу.

— Пожалуйста, побриться и маленько усы... — Побриться? Чудесно. Усы легонько поправить? Сию минуточку. Сейчас мы вам салфеточку чистенькую. Прибо-о-ор!!! — заорал парикмахер. И сейчас же откуда-то вынырнула сетка с металлической чашечкой, из которой шел пар.

— Ножки поставьте на скамеечку, для этого и скамеечка, чтобы клиенту удобно было, — сказал парикмахер. — Вода не горячая?

Мыльная пена уже покрыла щеки Антиоха Вафля.

Парикмахер забегал вокруг кресла то справа, то слева и трещал сорокой:

— Вот мы и побрились... Заметьте, — ни одной царапинки. Разрешите компрессик? Ка-а-м-пресс один раз! Так, так, потерпите, ничего что горячо, а пока что мы вас вежетальчиком, вежетальчиком. Разрешите массажик, очень хорошо массажик, освежает...

Антиох Вафля пробовал протестовать, но парикмахер, не давая ему промолвить ни слова, хлопал его по щекам, брызгал пахучей водой, пудрил, красный подбородок и даже надел на кончики усов какие-то щипчики.

«Чиво это он осатанел, — подумал Антиох Вафля. — Вертится, как припадочный. А я сижу, вроде барин, даже как-то неудобно», — и еще раз взглянув в зеркало, спросил:

— Сколько с меня там?..

— Ровно шесть рублей тридцать копеечек, — не моргнув глазом, ответил парикмахер.

Антиох Вафля застонал:

— Это как шесть рублей тридцать? Это за побриться и за усы?

— Совершенно верно, за побриться и за усы. Не забудьте — один раз компресс, один раз массаж лица, один раз вежеталь, а впрочем, здесь по преискуранту видно. У нас без запроса, мы не частники. Чья очередь, пра-а-шу! — крикнул парикмахер, дав понять Антиоху Вафле, что беседа закончена.

Вафля отдал две трешки и три гривенника. А выйдя на улицу, долго ругался и ощупывал физиономию и подстриженные усы.

— Вот же гады, грабители. Шесть тридцать! Форменный грабеж!

— Где ж мораль сей грустной басни? — спросит свежевыбритый читатель. — Неужто эти люди заслуживают того, чтобы их описывали в почти художественной форме? Или же автора разорили на полтинник в бане или парикмахерской, и он спешит излить свою обиду на страницах журнала?..

Нет, дорогой читатель, все не то. Автор моется в ванне и бреется сам при помощи «жиллета». И в данном столкновении банно-парикмахерских сил его интересует не меркантильная, а этическая сторона вопроса, ибо услужливость и холуйство так же не похожи на внимание и вежливость, как мелкое рвачество на законное вознаграждение. И когда шлют театральные администраторы купоны в ложи и ласковые приглашения начальникам железнодорожных станций и другим полезным товарищам, когда задыхаются от услужливости перед начальством чиновники некоторых ведомств, учреждений и трестов, когда подхалимство и угодничество становятся второй натурой этих людей, — ими руководит та же откровенная философия: «Наше дело услужить, ваше — оплатить».

Может быть, это со стороны и очень роскошно, но право же, это никому ненужная «излишняя роскошь».

МУКИ КОМПИЛЯТОРА

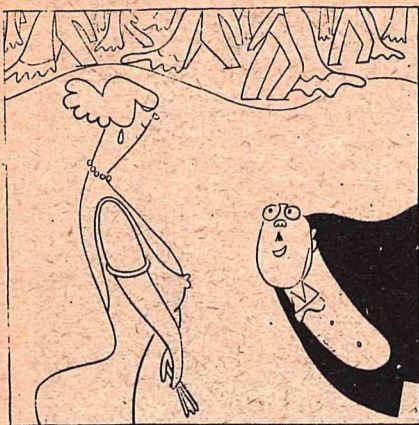
Рис. М. Храпковского

— Не клеится сегодня что-то!..

БОР. КОВАЛЬ

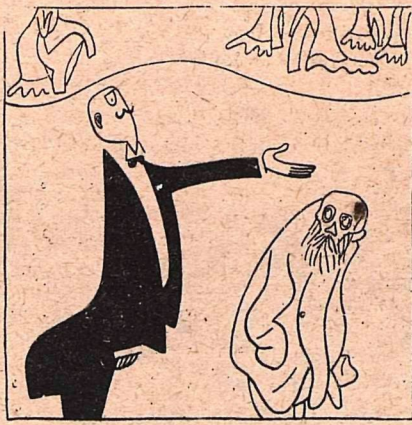
Пельц (Симпликус)

Прошу вас...

Прошу вас!..

Прошу вас!!.

Прошу вас!!!

ДЕВЯНОСТО ЛИСТОВ

Мы за память о великих. И за освоение литературного наследства. И вообще — за все. Но все-таки...

В жизни Пушкина, Бальзака и Льва Толстого совершенно незамеченными прошли три эпизода, правда, не повлиявших на их творчество, но почему-то оставшихся незамеченными.

Для того чтобы наша мысль текла гладко и не утомляла читателя, а влекла его за нами, сразу же и со всей присущей нам добросовестностью подробно расскажем о всех трех случаях с классиками.

ПУШКИН И ИЗВОЗЧИК ПУРЧУК

«Однажды Пушкин проходил по Невскому проспекту в два часа ночи. Вечерело. На углу стоял однокопный извозчик.

— Свободен? — спросил А. С. Пушкин.

— Занят, — ответил извозчик С. Пурчук и заснул».

ОНОРЕ БАЛЬЗАК И ХРОМОВЫЕ БОТИНКИ

«Будучи на юге Франции, великий романист Бальзак заказал себе хромовые ботинки у сапожника Анри Тюрена.

— Как ваша фамилия? — спросил сапожник.

— Бальзак, — ответил великий писатель и, уходя, обронил счет от прачки».

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В БАНЕ

«Уже в преклонном возрасте и будучи вегетарианцем, Лев Толстой зашел в баню.

Один из его поклонников, духобор Иннокентий Гнедых, вошел в парильню с шайкой в руках и сказал:

— Я написал поэму о неубийстве комаров и телят.

Толстой вздохнул и отвернулся к стене. Иннокентий Гнедых бросился домой и радостно изложил свою встречу с мировым писателем».

Все три эпизода, как мы уже упомянули, остались неизвестными и в таком состоянии пребывали бы еще некоторое время, но не таково советское издательство «Лукреция», выпускающее сборники «Поленья», чтобы терпеть подобную литературно-историческую несправедливость. Оно и не терпит.

В тихий летний вечер, кушая пирожные «Наполеон» и запивая их лимонным сидро, маститые исследователи из «Поленья» вели тихий разговор:

— Кстати о Пушкине. Есть прекрасный материалчик. Воспоминания о семье извозчика Пурчука в дни кратковременного его пребывания в Либаве. Почти сенсация. С поясным портретом внучатого племянника извозчика.

— Надеюсь, — ехидно спрашивает другой исследователь, — в сборнике хватит места и для поэмы «Без кошмара не убьешь и комара»?

— Какой, какой?

— Пора бы знать творчество духобора-самоучки Иннокентия Гнедых.

— Это который не успел прочесть стихи Льву Толстому в рязанской бане? Можно и духобора. Но не больше, чем в трех вариантах. В четырех это уже утомительно. А у вас что?

— Сравнительная таблица хромовых ботинок Бальзака со штиблетами современников. Исторический этюд с гравюрами по дереву и автографами сапожника Анри Тюрена. Любопытный анализ.

— Можно и анализ с таблицей. Записывайте, Анна Петровна, содержание очередных «Поленьев»...

Не будем следить за Анной Петровной, что и как она записывает. Девушка может и напутать. Давайте лучше перелистаем сами очередной выпуск «Поленья», вышедший в размере 90 печатных листов на прекрасной бумаге, испещренной убористым четким шрифтом.

Начнем не по порядку, а останавливаясь на самых захватывающих внимание советского читателя местах.

ВНУК С. ПУРЧУКА О СВОЕМ ДЯДЕ

«В Костроме до сих пор еще живет духовный пастырь — протоиерей отец Вавила Дудуев, который был знаком с внуком извозчика С. Пурчука, известного своей ночной беседой с поэтом А. С. Пушкиным.

По словам племянника внука, дедушка его, будучи уже портным в Могилеве, об этой беседе рассказывал так:

«Сумеркалось. Поев щец, я отвез одного барина в собрание и тут же получил по морде от одного гвардейского офицера в капитанских чинах, с аксельбантами.

Сажу я после этого на козлах и вдруг подходит ко мне один мужчина в бобрах и говорит, как сейчас слышу:

— Извозчик, свободен?

Кажись, это и был Пушкин. А может, и кто другой из поэтов, либо из военных. Потом я переехал в Ростов, а оттуда в Могилев, где и шил в расщочку».

Дальше идут 382 страницы упомянутого убористого текста с описанием С. Пурчука — деда в качестве портного, отца и соседа. Со снимками его мастерской, огорода и первых сшитых в расщочку штатских штанов. Затем следует литературно-критический очерк:

А. ПУШКИН — С. ПУРЧУКУ

Начинается он так:

«Влияние декабристов на поэта явно сказалось в его прямом вопросе извозчику Пурчуку:

— Свободен?

Александровско-николаевский режим был мало приспособлен для такой резкой постановки вопросов. Но в лице С. Пурчука поэт видел стихию, сидящую на козлах, и задал ему страдальческий вопрос кающегося дворянина...»

А кончается статья так:

«Мы еще надеемся, что оставшиеся в живых Пурчуки — потомки — вспомнят о всех деталях этого исторического разговора и воспроизведут перед нами образ поэта в зимнюю ночь и выяснят то влияние, которое С. Пурчук оказал на его творчество. Недаром Пушкин писал впоследствии:

«Ее сестра звалась Татьяна».

Вот где разгадка тайны встречи с С. Пурчуком. Да, это стихия в лице Пурчука-Татьяны была с лошадкой на Невском проспекте и это она ответила на призыв о свободе: «Занят»...

Следующий раздел «Поленья» в 496 страниц, занят трактовкой эпизода «Лев Толстой — Иннокентий Гнедых».

Прежде всего приводится второй черновой вариант поэмы духобора-самоучки «Без кошмара не убьешь и комара».

Начинается поэма так:

«И комар есть божий дар,
Пусть живет себе комар.
Человека он вкушает,
Песней воздух оглашает.
Так зачем же комаря
Убивать мы будем зря?
Человек убить бы рад
И коровку и телят.
А теленок хочет жить
И молитвы возносить».

На 379 строфе выясняется, что убивать для пищи можно только сливочное масло и морковь. Поэма снабжена примечаниями и пояснениями о двуперстном кресте, липовом меде и перечнем разновидностей медвежьей спячки в бывшей Костромской губернии.

Затем идут пространные мемуарные воспоминания о встрече автора с Львом Толстым в бане. Для этого, чтобы будущему читателю не было завороно представлять великого классика голым, автор заблаговременно описывает встречу так:

«Облик великого старца был скрыт паром. Облик смотрел в одну сторону, я — в другую.

— Учитель, — сказал я, взымая в воздухе шайкой, — я хочу тебе прочесть поэму.

Облик вздохнул и повернулся в облаках пара. В этот момент я понял, что великие тайны открылись мне, и я — карасеубийца и пожиратель сыра — готов был заплакать.

Одухотворенный, я надел кальсоны и пошел пешком домой — в скромный флигель своих родственников. Там я и создал свою поэму».

Онорэ Бальзаку после этого в «Поленьях» остается скромное место в 409 страниц. Но и тут редакторы ухищряются втиснуть все, что может быть полезным в области хромовых ботинок. Сам сапожник Анри Тюрен, которому великий Онорэ заказал ботинки, почти не фигурирует в автографах и мемуарах. Но прачка, счет которой классик потерял в лавочке сапожника, растекается в «Поленьях» с неведомой миру стремительностью. На лицо имеется одиннадцать фотоснимков с усадьбы ее второго мужа, план маленького уютного ресторана, открытого им впоследствии в Дувре, вид Булоня, где умерла прачкина подруга, и даже картина Шишкина с соснами, как напоминающая леса Сезерной Франции, где жил последний сапожник Бальзака. На отдельных листах меловой бумаги дано генеалогическое дерево позднейших Тюренов, сделавшихся перами Франции, и любовные стихи прачкиного обожателя. Петитом, в виду их многочисленности. И на французском языке, в виду непереводимости отдельных изысков.

— Нет ли свеженького однотомика Пушкина? — робко спрашивает конфузливый вузовец, затерявшийся в извилинах книжного магазина. — Нет? Может, Толстого есть что-нибудь из романов? Тоже нет? Может, Бальзака?...

— Скоро будет, — оптимистически повествует продавец, — с брошюрками нынче туговато. Пока могу предложить что-нибудь посолднее. Последний сборник «Поленья». Девяносто листов. С. Пурчук о Пушкине и Гнедых о Толстом.

— Хорошо, — конфузливо мнется вузовец, — давайте и Пурчука и Гнедых. Давно что-то я уже не читывал классиков...

— Выпьем, братцы, как полагается: сначала по маленькой гире, а потом — по большой!

ЛЮБОВЬ С ПРИСТРАСТИЕМ

Есть у нас писатели. И есть читатели. Писатели (правда, не все) пишут. Читатели (в подавляющем большинстве) читают. Но имеются и такие читатели, которые пишут. И попадаются (всякое бывает!) такие писатели, которые читают. Кроме того имеются трепачи. Они не пишут. Не читают. Но энергично бегают вокруг литературы, кричат, шепчутся, суетятся, сплетничают и вдохновенно пьют на писательских банкетах. О писателях, читателях и даже о трепачах у нас уже неоднократно писали. И еще будут писать.

Но вот о Галицком — и в художественной литературе и в прессе — ни слова. Даже стихами не обмолвились. Обходят. Затирают. Не замечают.

Зря обходят. Следовало бы заметить. Это — читатель. Но читатель особой квалификации. И особого темперамента. Ради художественной литературы он готов на все. Даже на превышение власти. Даже на преступление.

Живет Галицкий в Киеве. Там же и работает. С новой украинской столицей у него наилучшие отношения. Хороший город. И Днепр тут под боком. И Богдан Хмельницкий гардует на бронзовом коне. Нет, Галицкий не променяет Киева ни на один из советских городов!..

Но в августе сего тридцать четвертого года мысли Галицкого все время уносились в Москву. Там, в Колонном зале происходит съезд советских писателей. Там обсуждаются судьбы советской литературы.

Может ли спокойно сидеть Галицкий в своем служебном кабинете в то время, когда там, в Москве, Киришон говорит о драматургических образах и методах?

Может ли Галицкий безмятежно спать? Уверьяк вас, не может. Ведь там, в Москве, в это время разъясняют, что такое социалистический реализм!

А спор поэтов с Бухариным! Сколько всяких искр! Вы, как хотите, но что касается Галицкого, — он не в силах все это переносить хладнокровно.

Он срывается с места и бежит на улицу. Бежит к газетному киоску, что на Советской площади. Сейчас должны получиться московские газеты. И там в газетах — подробные отчеты о писательском съезде.

Галицкий подбегает к киоску. Уже выстроилась очередь за газетами. Сейчас начнется продажа.

Где взять терпение? Как дожидаться того сладкого мгновения, когда, наконец, в руках очутится свежий номер газеты?

Галицкий ждать не может. Не хочет. Он требует, чтобы ему выдали газету без всякой очереди. Публика протестует.

Галицкий «плевать хочет» на публику. Он тычет продавцу в киоске свой документ и категорически настаивает, чтоб ему были выданы газеты без всякой очереди.

Тот отказывается. Рассерженный Галицкий уходит. И тут начинается история. Очень скверная история.

Ровно через пять минут после описанного инцидента к киоску подбегает запыхавшийся помощник Галицкого по фамилии Борисов.

(Помощник Галицкого не по линии изящной словесности, а по отделу внутреннего благоустройства г. Киева. Мы забыли упомянуть, что Галицкий является заместителем начальника этого отдела.)

Так вот прибегает Борисов и приносит официальное предписание за подписью Галицкого немедленно закрыть киоск и прекратить продажу газет.

Что в точности и было выполнено.

Только через два часа продавец разыскал Галицкого. Тот уже немного успокоился и милостиво сказал ему:

— На первый раз я прощаю. Можете открыть киоск. Но, чтоб не зазнавались, я вас оштрафую на пятьдесят рублей.

Вот что значит горячо любить художественную литературу. Вот какой человек Галицкий!

И о таком человеке пока еще никто не писал. Ни прокурор. Ни Комиссия партийного контроля. Неправда ли, обидно?

ОБМАН ТВОРЧЕСКИМ ОПЫТОМ

Не написавши на своем веку Ни сборника стихов, ни пьесы, ни романа, Писатель Пустоцветов, как ни странно, Свой опыт творческий передавал кружку.

Кружковцы слушали его, развесив уши.. И лишь в середине дикой трепотни Повальным бегством подали они Сигнал о бедствии: „Спасите наши души!“

Как только дверь закрылась за болваном, От смеха кирпичи посыпались со стен... И в прениях сей „творческий обмен“ Был назван попросту — обманом!

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ

БЛАТ НА КОЛЕСАХ

Одно и то же понятие может иметь разный смысл. Все зависит от звучания.

Вам сделали подарок: преподнесли портфель с именной монограммой. Если хотите, — это знак внимания окружающих вас людей. И в то же время это может звучать как подхалимство и даже взятка.

Но вот возьмем дружбу. Великое это чувство дружба.

Начальник административного отдела Северных дорог Миронов. Милейший человек. Рубаха-парень. Чего только ни делает Миронов для своих друзей. В лешку он готов расшибиться во имя дружбы. Стоит только друзьям сказать:

— Будь, Миронов, другом!.. Не в службу, а в дружбу!..

Н. нужен железнодорожный билет. Н. в НКПС отказали: не полагается ему билета. Пиши пропало? Ничего подобного! Хорошо тому, у кого есть друзья. Много друзей! «Не имей ста рублей, а имей сто друзей». Верный и надежный друг — залог спокойной жизни. Миронов тщательно взвешивает все «за» и все «против» и выдает Н. билет. Бесплатный, конечно.

А если у Н. жена и теща? Миронов — не формалист. И жены и тещи получают без излишних проволочек бесплатные билеты на пригородные поезда и на курортные линии.

Что это все значит? Если вы настроены благодушно, во всем этом ничего дурного не усмотрите: дружеская услуга в изъятие из правил. И только!

А если вы ревизор и на все смотрите с точки зрения интересов государства, то того и жди, что подымите шум на всю Энкавесью.

— Миронов — бластмейстер!.. Миронов расстранил среди своих знакомых и высокопоставленных на дороге чинов билеты на десятки тысяч рублей.

Все зависит от того, как это будет звучать.

Пусть неистовствует ревизор. Пусть мечет он гром и молнии.

Миронов не такой, чтобы испугаться и сложить оружие без боя. Его ведь и в прошлом году, когда он работал в НКПС, чуть было не исключили из партии за подобные факты бурных излиятий дружеских чувств.

Миронов — стреляный воробей. Он знает, что ему делать. Он созовет своих верноподанных сотрудников и...

— Никаких незаконных выдач не было и нет. Все это — плод воображения придирчивых людей. Сундук с компрометирующими документами? Перенести в другое место! Его никогда здесь не было...

Со стороны могут сказать: «Миронов замечает следы». Если вы настроены критически, вы скажете: «Да». Благодушно настроенный человек скажет: «Нет, Миронов просто предусмотрителен и осторожен».

Миронов знает, что главное — это подбор друзей. Он усвоил мудрый наказ старика Крылова: «Когда почтенным ты быть хочешь у людей, с разбором заводи знакомство и друзей». Миронов подбирает друзей разборчиво, с толком. Надо искать таких друзей, чтоб в несчастье они не подвели, не изменили.

Захочет недруг Миронова пожаловаться в НКПС. Пусть поднимется в Управление эксплуатации, к самому Уланову-Зиновьеву. Пусть жалуются!.. Пожалуйста, сколько угодно! Уланов-Зиновьев не забыл и не может забыть, как он на Северной дороге получил билетик формы 66.

Ткнется какой-нибудь обидчик по профсоюзной линии, в ЦК ж. д. Пусть обратится к т. Трофимову. Кто-кто, а он сумеет с достаточной объективностью рассудить поступок Миронова, — ведь совсем недавно сам Трофимов получил у Миронова для себя и для жены билет в Читу.

Когда же НКПС и ЦК ж. д. не помогут, пусть обратится в газету «Северянка», к редактору Скорнякову. Сила печати, сами знаете, какая!..

По секрету скажем, что Скорняков, имея уже годовой билет по Северной дороге, получил от Миронова еще один пригородный билет.

К прокурору! Вот кто наведет порядок и призовет к ответу зарвавшегося чиновника, который не видел различия между государственным карманом и своим кошельком!

Тов. Брук! Вы дорожный прокурор Северных, за вами слово!

Но т. Брук отлично помнит, что Миронов был настолько чуток и любезен, что выдал его племяннице Хлыняевской билет без предъявления

удостоверения личности до Сочи, а матери и сестре — билеты на пригородные поезда до Пушкино. Лето, знаете, у касс очереди, толчея. И от всего этого Миронов избавил прокурорскую родню.

Друзья познаются в несчастье. Друзья не обидят Миронова!

Если вы спокойный по натуре человек, если вас ничто постороннее не волнует, вы воскликнете в экстазе: «Вот это дружба!»

Если же вы на все привыкли смотреть скептически, то, обуреваемый благородным возмущением, вы скажете: «Да это ж круговая порука!»

Скоро 2 месяца в стенах НКПС идут разговоры о каком-то бласте на Северных дорогах. В НКПС звучит это так:

— Какая невидаль!.. На одной ли Северной бласт? А на других дорогах?

Скептик скажет:

— Великая сила — дружба!

И это звучит особо.

Е. ВЕСЕНИН

ЯСНО БЕЗ КАТАЛОГА

Рис. М. Черемных

— Эх, жаль, каталога нет! Не понятно, что изображено на картине.

— И без каталога ясно: командированных не впускают в гостиницу.

1. У вора блещет взор.
Одну таит он думку:
Решил наполнить вор
Товаром ценным сумку.

2. Он ценности хотел
Из'ять из магазина...
Попал он в „культотдел“,
Пред вором — книг витрина.

3. От света полумгла
Рассеялась немножко..
Вниманье привлекла
Красивая обложка...

4. От чтенья в голове
Все спуталось сначала,
А чрез минуты две
Беднягу уначало...

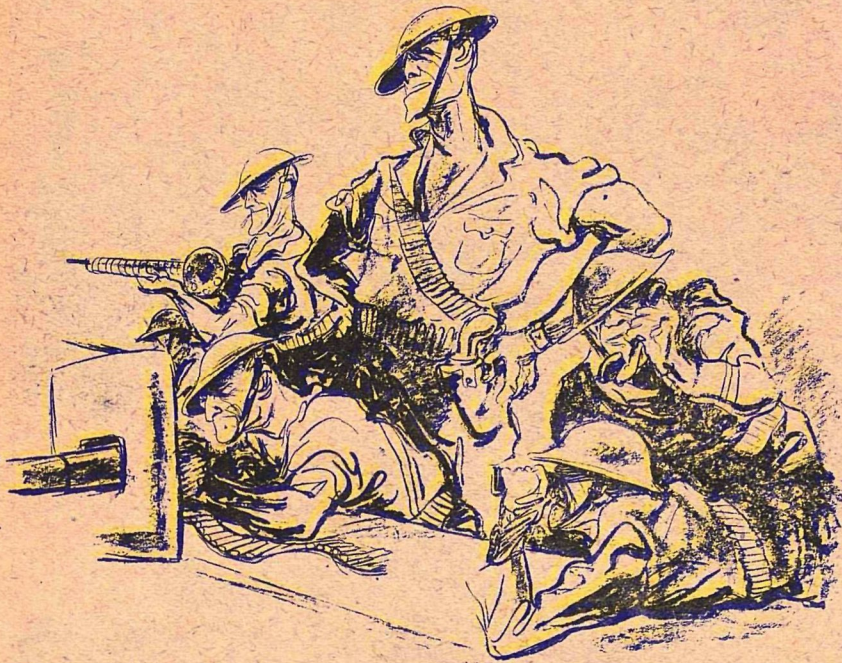

5. Уснул спокойно он
Над первой страницей...
Какой прекрасный сон
Ему под утро снится!..

6. Недолг разговор
с объектом усыпленья!
Так был захвачен вор
На месте преступленья!

Рис. Цурли (Симпликус)

— Поскорее стреляйте, ребята! На следующую неделю мы уже ангажированы угольным синдикатом в Неваду.

КОГДА СЛОН УЕДЕТ

За последние шесть месяцев город Краснодар последовательно увеселяли: оперетта, опера и индийский слон.

В оперетте ставили старушку «Сильву» и «Жрицу огня», но у кассы люди дрались из-за билетов, а в зале изголодавшиеся театралы грустными баритонами хором подпевали Эгмонду Валаюк:

«Сильва, ты меня не любишь!»

Опера, сменившая оперетту, не имела ни оркестра, ни хора, ни бадета. Действие шло под рояль. Тапер скакал по партитуре, как горный козел по скалам.

Онегин в Краснодаре, например, убивал Ленского без излишней волокиты: сразу же после объяснения с Татьяной, ибо сцену бала у Лариных поставить не удалось «по техническим причинам». Неискушенные зрители поражаются жестокости феодальных нравов: ни с того ни с сего помещик Онегин застрелил симпатичного тенора.

Но и оперу и оперетту затмил индийский слон — премьер раз'ездного зверинца.

Под слона и его свиту отвели прекрасный городской парк. У входа поставили огромный плакат. На нем было изображено доброе животное, напоминавшее раздобрешую мышь, с грустными глазками и сильно поношенным хоботом. Надпись на этой визитной карточке гласила:

«Я пробуду здесь только 10 дней. Спешите меня посмотреть».

И люди спешили. Они знали, что через декаду «культобслуживание слонем», как сказано было в афишах зверинца, действительно прекратится. И тогда в городе кроме Управления зрелищными предприятиями, содержание коего обходится 20 тыс. руб. в год, других развлечений и аттракционов не будет очень долго.

На постоянный драматический театр горсовет денег не дает: бюджет, дескать, не позволяет столь роскошествовать. На симфонический оркестр и хоровой ансамбль денег тоже не нашлось. Местная картинная галерея (одна из лучших в Союзе) запущена до того, что сотрудник краснодарской газеты для проверки бдительности, по поручению ответственного редактора, как-то снял прямо со стены ценную картину и принес ее в редакцию. Украденную картину сфотографировали, и снимок поместили в газете, — так сказать, фотофакт от нашего специального расхитителя.

Происходит все это в наши дни. В городе с населением в 150 тыс. человек, из которых 15 тыс. — студенты местных вузов и техникумов.

Одна пятнадцатитысячная индийского слона на студента — вот весь краснодарский культпаек для молодежи.

Но что же все-таки делать краснодарцам, когда уедет слон?

По доброте душевной спешим посоветовать краснодарскому горсовету одно дешевое, но сердитое культобслуживание. Автор наблюдал его в 1924 г. на базаре в станции Старо-Нижне-Левостеблиевской. Мы намекаем на бородатую даму-феномен Луизу-Офелию Робинзон. Демонстрация феномена сопровождается научно-популярной лекцией «ихнего супруга» на тему о шутках и играх природы. Бородатая дама, надеемся, не обременит краснодарский бюджет.

Только... где же найдешь сейчас Луизу-Офелию Робинзон? Утверждают, что знаменитая дама, отвергнутая даже жмеринским ГОМЭЦ, побрилась и занялась общественно-полезным трудом.

Но если бы Луиза-Офелия знала про Краснодар, — она несомненно обождала бы с бритьем.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Есть у нас в доме жилец Вася Рыжиков. Веселый парень. Неисправимый холостяк. Культурный человек. Что ни день — обязательно в кино ходит.

И в комнате у него большая опрятность. Не смотри, что без жены. Горшочек с цветочками, картинки, диванчик, тюлевая занавеска на окне, и главное электрический чайник на століке.

Раз зашел я к нему часиков в шесть вечера. Дай, думаю, вместе в кинематограф сходим. Постучал... А соседка, няня из больницы, посмеивается.

— Был Рыжиков, да весь вышел!

— Что так? — обратился я к ней.

— Да он на вечернюю смену перешел.

Вот тебе, думаю, бабушка, и Юрьев день. Форменная перемена.

Долго не мог я поймать Рыжикова. А сегодня прихожу со службы, встречает меня в воротах дворник:

— Здравствуйте. У нас в доме новость, Рыжиков женился!

Видел я виды на своем веку, по фронтам пять лет странствовал, но, признаюсь, прямо скажу, обмер весь.

— Вот таг штука, — какой случай!

Сразу, не заходя к себе, взобрался, еле отдышался, на пятый — к Васе. А он навстречу.

— Стой! Сдался? — спрашиваю.

А Вася улыбнулся и тихо так, проникновенным голосом, с грустью на лице:

— Ничего, брат, не поделаешь. Чайник подвел!

И рассказал занимательные приключения.

Испортился у него чайник. Забрал он пузатого подмышку — и в Москопремонт. Почините, сделайте милость.

— Не чиним! Топайте дальше.

Бродил, почитай, два дня. Все искал, где отремонтируют. Куда уж там на службу. Хорошо поблажку дали — не выгнали, на вечернюю перевели.

И вот пошла у него суетливая жизнь. Днем по городу бегаєт, где бы чайник починить. Вечером работает.

На седьмой день посоветовал один мастер в Мосторг пойти. Говорит: там покупали, наверно, там и пойдут. А каверза оказалась в пластинке. Есть такая, проклятая, в электрическом чайнике. Лопнула — и надо на новую сменить.

А пластинок днем со свечкой в Москве не сыскать.

Встретила Васю за прилавком черноглазая продавщица.

— Чайников сколько угодно. Восемьдесят рублей штука. Покупайте новый. А пластинки надо ловить, кое-когда бывают, — объяснила она ему, — приходите послезавтра с утра — пораньше.

Ну, и стал Рыжиков постоянным гостем Мосторга. То опоздает на десять минут, — разберут. А то раньше придет, — ждать нельзя: на работу надо спешить.

И решил Вася приударить за черноокой. — «Может, клюнет пластинка».

А красавица на третий день и говорит ему:

— Ну, какой вы ухагор! В театр не зовете. Вот за мной полгода один бухгалтер ухаживает, тоже за пластинками ходит. Одну возьмет — лопнет, за другой придет. Компанейский человек. На все премьеры переводил.

Вспылил Рыжиков. Об'яснил, что, мол, работает в вечернюю.

Но слова о бухгалтере запомнил.

«Дай, думаю, отобью конкурента в пластинках».

Ну, и женился!..

Теперь и пластинки к чайнику есть и жена кстати.

И позвал меня он с женой познакомиться и чайку выпить.

Вот какие дела приключаются в Москве. Через год, если не наладят производства этих самых запасных пластинок к электрическим чайникам, все продавщицы замуж пойдут.

Лафа барышням!

МИХ. КИСЕЛЕВ

НЕОЖИДАННОЕ НЕСЧАСТЬЕ

Рис. Д. Мельникова

— Ой!.. Кажется, я с этим вкусным ядом что-то нехорошее с'ела...

Рис. Ю. Ганфа

- Еле-еле до вершины пика добрался.
- Сил нехватило?
- Нет, протолкаться нет никакой возможности.

БАЛЫК И АПТЕКА

(СОВРЕМЕННАЯ БАСНЯ)

Эн-Эн явился в ЗРК,
Спросил полфунта балыка.
И продавец — румян и весел —
Ему немедленно отвесил.
„Не балычок-с, а ананас!..
Ну, чтоб вы делали без нас?“
„О, да!“ — Эн-Эн ответил строго,
Протер платком очки из рога

И поглядел поверх очков:
„Ва-ажнецкий, парень, балычок!
Во рту наверно так и тает,
Но... весу будто нехватает
Так приблизительно на третью..
Позволь-на гиришки посмотреть!“
У парня заморгали веки
И что-то дрогнуло в усах:

„У нас, простите-с, как в аптеке.
Да-с, как в аптеке на весах!“
Отер ладони о колена
И гордо глянул на Эн-Эна.
„Охотно верю, джентльмен!“ —
Ему отвечивал Эн-Эн.
„И ссылка сделана не худо,—
Как раз я только-что оттуда.“

У них весы, милейший плут,
Не хуже ваших тоже врут“.

Мораль? О, люди человеки,
Кто честен, тот везде в чести.
А жулик может и в аптеке
Лет пять со строгой наскрести!
ВЛАДИМИР ВОИНОВ

СТИЛИЗОВАННАЯ МАСКА

«Интурист» — очень почтенная, солидная организация. У нее имеются кадры весьма образованных литераторов, которые пишут брошюры для иностранцев. Некоторые из этих брошюр содержат массу поучительнейших сведений по этнографии, истории, социологии, искусству, вообще, по всем мыслимым и даже немыслимым отраслям человеческого знания. Сведения эти отличаются двумя характерными чертами: точность и полнота.

Допустим, иностранный турист хочет узнать о национальностях Закавказья, об их особенностях, историческом прошлом, об их развитии в условиях советской власти и пр. К услугам такого туриста имеется специальная брошюра под заглавием «Кавказ». Раздел, посвященный указанным выше вопросам, в этой брошюре невелик. Но разве в количестве, а не в качестве дело? Мы позволим себе процитировать весь этот раздел целиком:

«Попутно не только любуешься постоянно меняющимся, необычайно художественным ландшафтом, но и встречаешь во время путешествия все новые и новые племена, которые совершенно отличны одно от другого своим бытом, нравами и обычаями.»

Национальная политика советской власти, характеристика национальностей советского Закавказья даны здесь настолько глубоко и всесторонне, что брошюра «Интуриста» больше к этим вопросам не возвращается. Да и зачем возвращаться, когда читатель успел уже узнать множество полезнейших вещей!

Он узнал, что у нас, оказывается, имеются не народы, а некие «племена»! Он узнал, что «племена» эти «совершенно отличаются одно от другого». Это заявление отнюдь не голословно. Автор конкретно обосновывает его, указывая, чем именно отличаются «племена»: а) бытом, б) нравом, в) обычаями.

Нужны огромная зоркость и какая-то пронизывающая острота взгляда для того, чтобы «попутно», любуясь постоянно меняющимся ландшафтом, делать эти ценные наблюдения. Нужно, наконец, принадлежать к особому «племеню» журналистов, совершенно отличному от породы нормальных советских журналистов, отличному по быту, нравам и обычаям. К этому же совершенно отличному «племеню» принадлежит, повидимому, и другой автор брошюры «Интуриста», который следующим исчерпывающим образом описывает занятия советских граждан Абхазии, Грузии, Ингушетии и пр.:

«Они ведут здесь привольную жизнь, в полном опасости горном мире, с его снеговыми вершинами...»

Привольная жизнь — дело хорошее. Свобода, как известно, издревле была мечтой лучших сынов человечества. Кое-кто из авторов брошюр «Интуриста» ведет исключительно привольный образ жизни, демонстрируя, поистине, какие-то снеговые вершины привольности! Например, автор брошюры «Московский театральный фестиваль» называет советское национальное искусство экзотическим. Привольнее — некуда!

Особенную привольность суждений обнаруживают авторы брошюр в вопросах, относящихся к художественной литературе и к искусству вообще. Из брошюры о Ясной Поляне читатель может почерпнуть глубокомысленнейшие сведения об отношении к Льву Толстому в Советском союзе.

«Лев Толстой еще сохранил, — снисходительно указывает автор брошюры, — свое значение для современности. Время и революция отбросили его философию, но советские критики отдают должное его стилю. Серафимович, Гладков и другие писатели хвалят талант Льва Толстого в области обрисовки событий (сцен), характеров в его произведениях «Война и мир» и «Анна Каренина».

Хвалят, оказывается, старика наши писатели и критики! Вы подумайте только, — даже «отдают должное его стилю»!

Автор брошюры счел излишним ограничивать свою привольность чтением некоторых статей, относящихся к оценке пролетариатом творчества Толстого, например, статей В. И. Ленина. Но это — черта, присущая не только автору данной брошюры.

В иллюстрированном листке «Интуриста», изданном к театральному декаднику 1933 года, мы, к нашему удовольствию, обнаруживаем новый персонаж в небыздвестной поэме «Мертвые души». Это — некий помещик Коробочка. Повидимому,

автором «Мертвых душ» является некая писательница Гоголь, и вообще... «у алжирского бея под носом шишка». Это последнее обстоятельство отчетливо выясняется из следующей таинственной надписи в том же издании под портретом артиста Леонидова в роли Егора Булычова:

«В этой пьесе создание стилизованной маски прислуги хорошо иллюстрирует гибкость художественных концепций театра (МХАТ)».

У постоянных жителей психиатрических учреждений, ведущих там привольную жизнь, «в этом полном опасности мире», подобные... высказывания, вероятно, встречаются с восторгом. Во всяком случае, там они вполне уместны.

Разгадать, что именно хотел выразить автор этого словесного сооружения, среднему нормальному человеку вряд ли возможно. Впрочем, «стилизованная маска прислуги» и «гибкость концепций», может быть, и таят в себе зародыш какого-то смысла...

В самом деле, когда в упомянутом издании читаешь словесные сооружения на тему о театральном фестивале, то поневоле начинает казаться, что иные авторы брошюр «Интуриста» надели на себя какую-то «стилизованную маску», свидетель-

ствующую, быть может, о гибкости их «концепций», но... очень странную, надо сказать, маску! Вот некоторые образцы этой «стилизации»:

«В дыганском, украинском, татарском, кавказском (?) и других театрах живописных национальностей Советского союза даны будут специальные представления...»

«Дни будут наполнены посещениями репетиций... и приемами у примабалери и драматических и оперных звезд...»

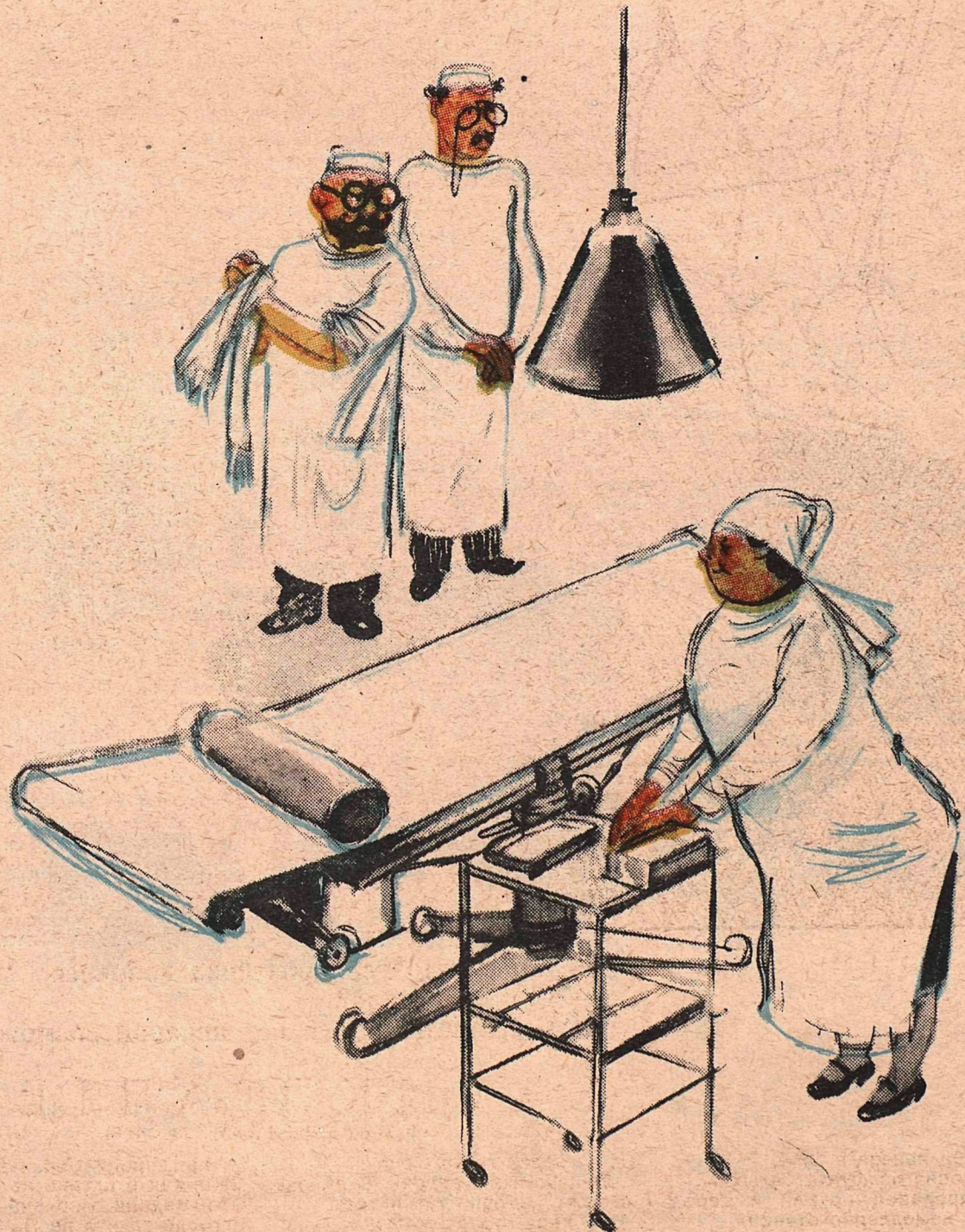
Под кого стилизуется автор этих... пошлостей? Под кого стилизуется он, когда (во французском тексте издания) ставит «madame» и «monsieur» перед фамилиями советских артистов?

Кому нужна эта «стилизованная маска»? Разумеется не «Интурист» создал ее. Но мы хотели бы, чтобы «Интурист» проявил подлинную гибкость своих концепций и поскорее снял с кое-каких авторов кое-каких брошюр нелепую и неприличную маску. Может быть, без маски им будет менее привольно, но зато их быт, нравы и обычаи не будут столь резко отличаться от того быта, нравов и обычаев, к которым мы прочно привыкли за последние 17 лет.

В. ВЛАДИЧ

ПОЛУФАНТАСТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

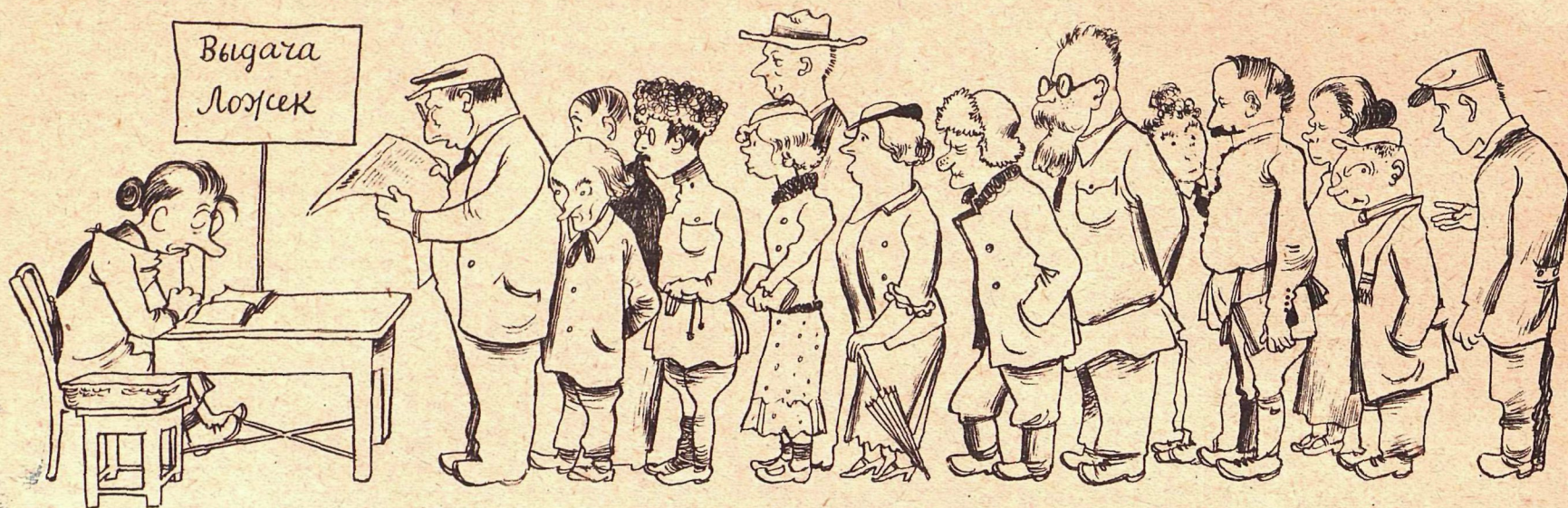
Рис. М. Храпковского

— А где же больной?

— Побежал в аптеку за пинцетом!

Рис. М. Храпковского

— Скажите, что здесь выдают?
— Как что: через час по чайной ложке.

ГАРНИР ИЗ КОЛДОВСТВА

Если кто-либо не поверит в правдоподобность излагаемой нами истории, мы можем посоветовать только одно: пусть маловер возьмет внедретный отпуск, с'ездит в г. Балаково, Саратовского края, и убедится во всем на месте.

Дав такое торжественное заверение, мы спокойно можем избрать для изложения тот стиль, который наиболее подходит к этой загадочной, полной колдовства, кладбищенских ужасов и неразгаданных тайн истории.

I ТАЙНА БАЛАКОВСКОГО КЛАДБИЩА

Пастушонк Жеребцов бросил стадо и с вполне законным любопытством перегнулся через кладбищенскую загородку.

В некотором отдалении, позволявшем Жеребцову оставаться незамеченным, происходили несколько необычные похороны.

Две милостивые балаковские гражданки держали в руках небольшой уютный гробик, напоминавший по размерам коробку из-под печенья «Ассорти». Перед вырытой ямкой местный поп с профессиональной горделивостью выкладывал весь свой запас похоронных песнопений при поддержке унылого дьячка.

Обе гражданки нетерпеливо дослушали несложный ассортимент похоронных напевов, засунули в ямку гробик карманной системы, вручили духовным пастырям потертый червонец, забросали ямку землей, поставили над ней крест и с необычайно веселыми лицами пошли с кладбища той непринужденной походкой, какой ходят по вечерам контрамарочники в кино.

Пастух Жеребцов не читал уголовных романов. Он не испытывал тревожного волнения при распутывании тайн живых покойников или разгрома фамильных склепов. В нем просто заговорил инстинкт молодости и неопытности.

Он дождался вечера, разрыл таинственную могилу, вынул гробик, напоминавший коробку от печенья «Ассорти», раскрыл ее и уже в неподдельном волнении почесал давно нестриженный затылок.

В гробике лежала фотографическая карточка балаковского ветврача Алексинского.

II КОЛДОВСТВО ДЕЙСТВУЕТ

Ветврач Алексинский потерял практику. К нему перестали водить лошадей и коров. К нему перестали носить больных кошек.

— Понесешь к обколдованному, еще хуже будет. Через его голову и кошка подохнет.

Все знали, что ветврач Алексинский в буквальном смысле этого слова отпетый человек. И раз уже упомянутый поп пел над его фотографией «со святыми упокой», — дальше идти некуда.

Обе жертвы неразделенной любви, похоронившие его карточку по совету местной гадалки, ходили мимо квартиры Алексинского и сардонически усмехались:

— Выкрутись теперь, чорт похороненный!

Сам фотопогребенный ветврач не особенно огорчился, но практика катастрофически уплывала. Колдовство перешло в экономику.

Семья была настроена пессимистически и мстительно.

Готовилась родовая месть.

— Не бойся, — мрачно сказала сестра Алексинского, — я найду злодейку, которая тебя отпела... Она у меня попляшет.

III РОДОВАЯ МЕСТЬ

Известно, что композиторы любят доставлять друг другу неприятности. Случай с Моцартом и Сальери ясно говорит об этом. Маститые классики литературы тоже иногда недолюбливали друг друга. Взять хотя бы Тургенева и Достоевского. По этому принципу стали подыскивать и в городе Балакове, кто именно может завидовать медицинской славе ветврача Алексинского.

Выбор пал на фельдшершу Скрехину. Все-таки некоторое совпадение профессий.

— Может, и влюблена в него, — решила сестра Алексинского, — а может, и сама кошек лечить хотела... А только она самая и есть похоронщица. Кроме нее некому.

Фельдшерша Скрехина обиделась. Фельдшерша Скрехина подала в нарсуд заявление о привлечении Алексинской за клевету.

— Я поясню портреты ветврачей не хороню, — категорически заявила она. — У меня специальное образование, и пусть этим другие занимаются.

Балаковский нарсуд деловито вел судебный допрос.

Балаковская общественность с радостным волнением упивалась на процессе показаниями попа, пастушонка Жеребцова и, затанув дыхание, осматривала гробик с портретом Алексинского.

Родовая месть не удалась.

Фельдшерша Скрехина восторжествовала. Мстительница — Алексинская — ушла из суда, оштрафованная на 25 рублей за клевету.

Но факт остался фактом. Ветврач Алексинский был обколдован, но только неизвестно кем. Но несчастье с ним все же должно было произойти. Виданное ли дело, чтобы человека обколдовали, а он гуляет, как птичка...

IV „ПУСТАЯ БЫТОВЩИНА“

И несчастье, действительно, произошло. Брат ветврача комсомолец Алексинский повесился.

Колдовство, как неудачно пущенный мяч, ударило по боковой, по родственной линии.

— Теперь Алексинским крышка, — мрачно говорили ответственные балаковские с'емшники и соцпенсионеры. — Вся семья в колдовстве увязла... Одну — оштрафовали, другой — повесился.

Балаковский райком комсомола не пожелал распутать колдовства. Ну, повесился комсомолец. Ну, похоронили. Стоит ли вмешиваться в обывательскую мистику, когда на очереди проработка резолюций и вынесение тезисов...

Но балаковское общественное мнение не дремало. Оно сразу нашло причину самоубийства Алексинского сглазили.

Оказалось, что сглазила его местная обольстительница с дурным глазом. Многие утверждали, наоборот, что у нее не один, а два глаза и довольно недурных. Во всяком случае комсомолец Алексинский ежевечерне очень охотно закрывал свой продуктовый ларек, которым заведывал, и проводил вместе с обольстительницей остаток брызжущих суток.

Райкому балаковского комсомола упорно указывали на это, но райком молчал. Ну, ларек. Ну, заведующий. Ну, обольстительница. Ну, кутят. Стоит ли влезать в эту бытовщину, когда на очереди столько резолюций и тезисов...

И все-таки пришлось влезть и обнаружить, что сглазили не только Алексинского, но и его ларьковую кассу: из нее исчезло 3.000 рублей. Дурной глаз стоит не дешево. А два недурных — еще дороже...

V НЕОБХОДИМАЯ МОРАЛЬ

Теперь колдовство обезврежено. Похороненная фотография ветврача Алексинского забыта, и к нему уже начали носить кошек и водить коров.

Фельдшерша Скрехина восстановила свое доброе имя, не замаранное в колдовстве на советской территории.

Остается снять колдовство еще с балаковских партийных и общественных организаций, которые могли допустить рядом с собой такой шумный прибой и всплеск невежества, явно знаменующее полное отсутствие с их стороны борьбы за культуру... Или, может быть, кто-нибудь похоронил их групповую фотографию, отпел ее и зарыл при помощи попа, и упомянутые организации считают себя заколдованными от вмешательства соответствующих инстанций?

Напрасно. Все равно отроют. И даже узнают по анфасам и профилям, кому первому надлежит быть в ответе за это возмутительное в советских условиях дело.

Я. ШАРИК

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ТАЙНА ГЛАВТАБАКА

Нет больше загадок природы. Они выявлены, изучены, и каждый ребенок может сказать: «Мама, мама, я знаю, почему идет дождь». И каждый ребенок может сказать: «Папа, папа, я знаю, почему гремит гром».

Но страшны и неизучены тайны искусства. Особенно изобразительного, особенно прикладного и особенно для широких масс.

Вот перед нами этикетка новой папиросной коробки. Издатель ее, так сказать, широкий меценат искусства — Главтабак.

Не будем упоминать о красочном и пугающем лозунге на сгибе коробочки:

«Научите своих детей правильно пользоваться улицей».

Пусть этот лозунг будет расшифрован историками грядущих столетий. Пусть. Мы — о другом.

Попробуйте расшифровать и прочесть название папирос, иероглифически нанесенное на коробочку.

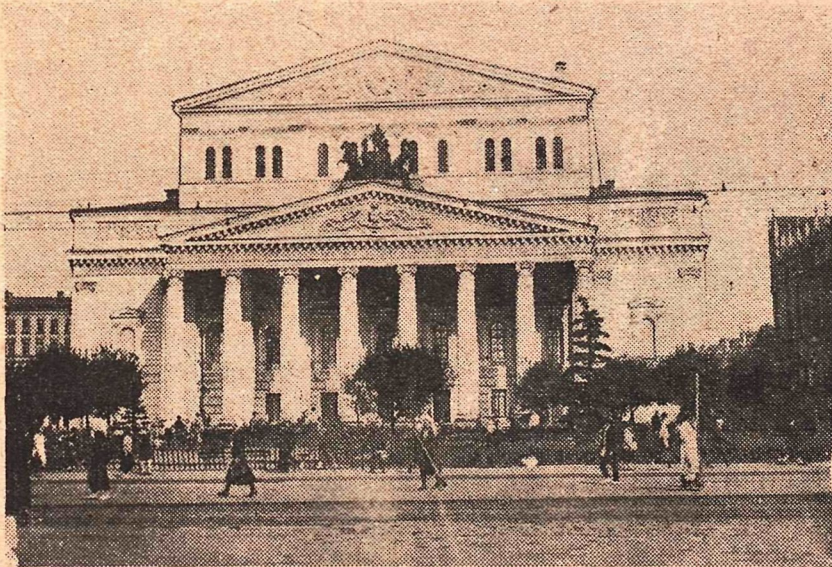
— «Дурт», — скажет неопытный читатель. — «Апт», — поправит его более вдумчивый. — «Рифт», — вставит свое мнение третий. — «Макт», — примирит их всех четвертый.

— Довольно, — скажем мы, — довольно этих дискуссий. Папиросы называются «Руд». А, может, и не так, — добавим мы несколько позднее, — разве возможно разобраться в такой клинописи?

И уже, как дети, тянемся мы ручонками к Главтабаку с тихой просьбой:

— Дядя, дядя, прочти, что у тебя здесь написано!

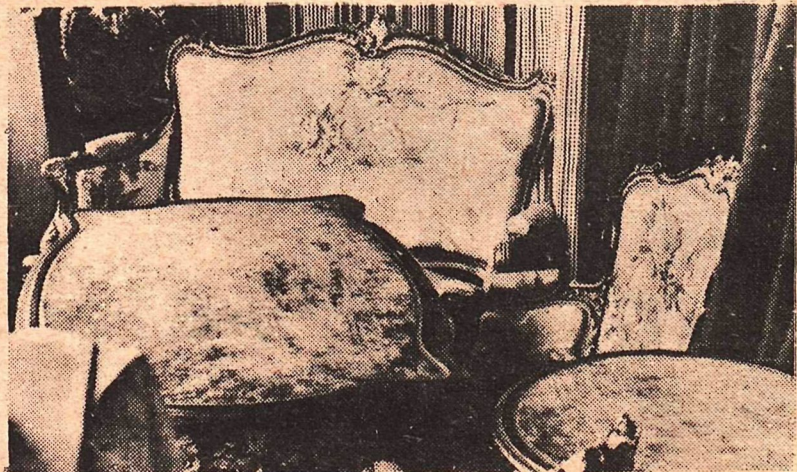
ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

Большой театр. Настолько большой, что в нем легко уместились бы и несколько новых современных опер.

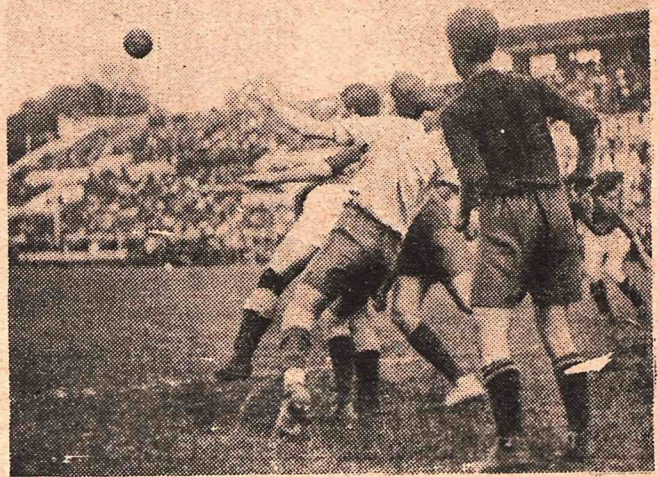
НЕ В СТИЛЕ ЭПОХИ

В наших мебельных магазинах вы встретите диваны в стиле Марии Антуанетты и кресла в стиле Людовика XIV.

Но тщетно вы будете искать в этих магазинах книжную полку в стиле вузовца 1934 года.

НОВОСТИ СПОРТА

Футбольные матчи на московском стадионе «Динамо» привлекают десятки тысяч зрителей. Главный герой этих увлекательных спортивных соревнований — футбольный мяч.

Но что, если вместо мяча беки и хавбеки начнут перебрасываться капустой? Такой капустный футбольный матч произошел недавно по инициативе Татарской конторы Союзплодоовощи. Контора отправила с Камских пристаней в Казань 36 тонн капусты. Капуста пролежала долгое время в Казани, а затем была отгружена обратно по Каме — в Пермь.

Результаты матча — 17 голлов, вернее, 17 тонн погибшей капусты.

Судил капустный матч управляющий Татарской конторой Союзплодоовощи г. Валеев, которого и призываем наших читателей чествовать.

В ВОЛНАХ ИСКУССТВА

— Да, это я сказал. Горжусь своим я мнением!

ШЕНСПИР.

Мы много говорим об искусстве, но мало уделяем внимания тем замечательным мыслям о нем, какие жемчугами падают из уст некоторых наших современников.

Вот, например, тонкий анализ картины Ф. Богородского «Дочь рыбака», сделанный критиком-любителем И. М. Гронским в редактируемом им журнале «Новый мир».

вы сразу увидите, что корзинка с рыбами говорит не о достатке, а скорее о невозможности сбыть эту рыбу, о кризисе, докатившемся до этой рыбацкой семьи и окончательно разрушившем шаткое ее благополучие. Отсюда — печаль девушки, отсюда тревога в ее глазах...

И. М. Гронский, автор упомянутого анализа.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Картина Ф. Богородского «Дочь рыбака».

... «Дочь рыбака» Богородским была написана в Италии и изображает она дочь итальянского рыбака. С картины смотрит на зрителя типичная итальянская девушка. На коленях у нее — корзинка с рыбами, как бы говорящая о некотором достатке рыбацкой семьи. Но всмотритесь внимательно в грустное лицо девушки и

Юрий Карлович Олеша, талантливый романист.

К возможному написанию им в ближайшее двадцатипятилетие нового романа.

ТОПОРОМ ПО КЛАВИШАМ

За последнее время советские композиторы явно обнаглели.

Определенно скрываясь от зорких глаз общественности, некоторые из них примащиваются при закрытых дверях к пианино и пальцем выстукивают по обоим сортам клавиш худшие опусы. Другие доходят до того, что работают даже вне городской черты, на дачах, пользуясь простым наливным блокнотом и собственной ненормированной фантазией. Больше того. Нам хорошо известно, что один молодой композитор написал мелодичную сонату на перегоне Москва—Бологое, даже не предупредив об этом местное транспортное начальство.

С этим надо решительно покончить. Надо вытравить мелкую кустарщину из композиторского быта.

Как же должен работать стопроцентный советский композитор?

Очень просто. Конечно, организованно и, конечно, в соответствующем учреждении.

Рано утром взволнованный композитор спешит на службу, вешает свой творческий номерок на разнумерованную доску, в знак неопоздания, и почтительным шагом проходит в подотдел ноктюрнов и галопов. Здесь уже все готово к его услугам. Пом. зав. ноктюрнами выдает ему соответствующий наряд на мелодию, особую разграфленную композиторскую книгу, и вплоть до обеденного перерыва он обязуется выполнить известную часть задания, контролируемого представителями месткома. Во время обеденного перерыва композитор может, в

порядке обмена опытом, переговорить в курилке с другим композитором, который в отделе вальсов-фантазий и синкопов, около крайнего окна, заполняет свой гробух ежедневными нотными знаками.

В такой сбастовке настоящей деловитости и подлинного контроля и должно проходить творчество композиторов.

Мы уже говорили, что этого нет. Мы уже намекали, что советская власть в своем отношении к искусству явно дошла до гнилого либерализма и расплодила композиторов вплоть до полной свободы творчества. И, быть может, мы были бы свидетелями чорт знает какого композиторского разгула, если бы не скромный и стойкий ленинградец Беляев,

который мощной грудью встал на защиту советской общественности против композиторского засилья.

Гражданин Беляев быстро пришел на помощь советской власти. Он выпрямил ее линию. Он почти спас ее. Будучи в скромном чине инспектора бюро заборных карточек центрального района в Ленинграде, гражданин Беляев не пошел на полумеры. Он не опустился до дискуссий с композиторами, он не запачкал себя разработкой теоретических положений о музыкальном творчестве, он даже не объявил себя сторонником какой-нибудь музыкальной школы.

Он просто лишил композиторов продовольственных карточек.

— Что такое композиторы в наш отрезок времени? — грустно спросил гражданин Беляев и не менее грустно ответил: — Так себе, бесштанное ничто, бесконтрольная отрыжка и даже хуже... Да еще к тому же пользующиеся защитой горкома композиторов!..

«Композиторы, — пишет в своем акте гр. Беляев, — в горюме не работают и нарядов от последнего не получают и зарплаты тоже».

Ясно, что композиторы без наряда и без зарплаты — совершенно ненормальное явление.

Вроде как, например, Чайковский без галифе или Сен-Санс не в установленной форме.

Но есть еще худшее обстоятельство, и его тонко подметил бдительный Беляев:

«Для композиторов рабочего табеля не ведется».

Ни табеля, ни расчетной книжки, ни даже простой бухгалтерской записи. Начал сегодня увертюру к опере и тяни вольнуку, сколько хочешь. Ни тебе учета мелодий, ни списка забракованных мотивов, ни подсчета модерато и аллегро — словом, полная бесхозяйственность и развал, грозящий катастрофой...

Оказывается, что даже «регистрации композиторов в виде проверки не делается».

Советские композиторы не приходят по утрам в горком и не докладывают по начальству, вытянувшись у дверей:

— Так что во вверенной мне опере никаких событий не произошло. Контрапункты на месте, гармония на посту, арии дожидаются распоряжения.

И что уже окончательно взбесило мощного борца с композиторским творчеством, — это явная наглость горкома композиторов, который на вопрос о табелях и порядках «ответить не смог, а пояснил, что он может дать сведения, что каждым проделано и какие его есть произведения».

Это, так сказать, мотивировка гражд. Беляева, а окончательный вывод его таков:

«Исходя из вышеизложенного, что получение заборных книжек и выдача последних незаконна, так как композиторы нигде в штате не состоят, работают по своему усмотрению, где их желание... выдачу заборных карточек прекратить...»

Так были побеждены монолитным гражданином Беляевым разрозненные колонны ленинградских композиторов.

Выводов мы делать не будем. Обычно в этих случаях тонко спрашивается: «А не пора ли такого Беляева» и т. д. Будем оригинальнее. Спросим, нет ли еще таких Беляевых, которые подходят к советскому искусству с тактом пьяного дровосека, вопреки всей линии партии и правительства.

Надо прямо сказать, что нас гражданин Беляев не интересует. Но Беляевы, если таковые еще имеются, — очень.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

О, ЖАЛКИЙ ЖРЕБИЙ МОЙ!..

«Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как денди лондонский одет».
(А. ПУШКИН).

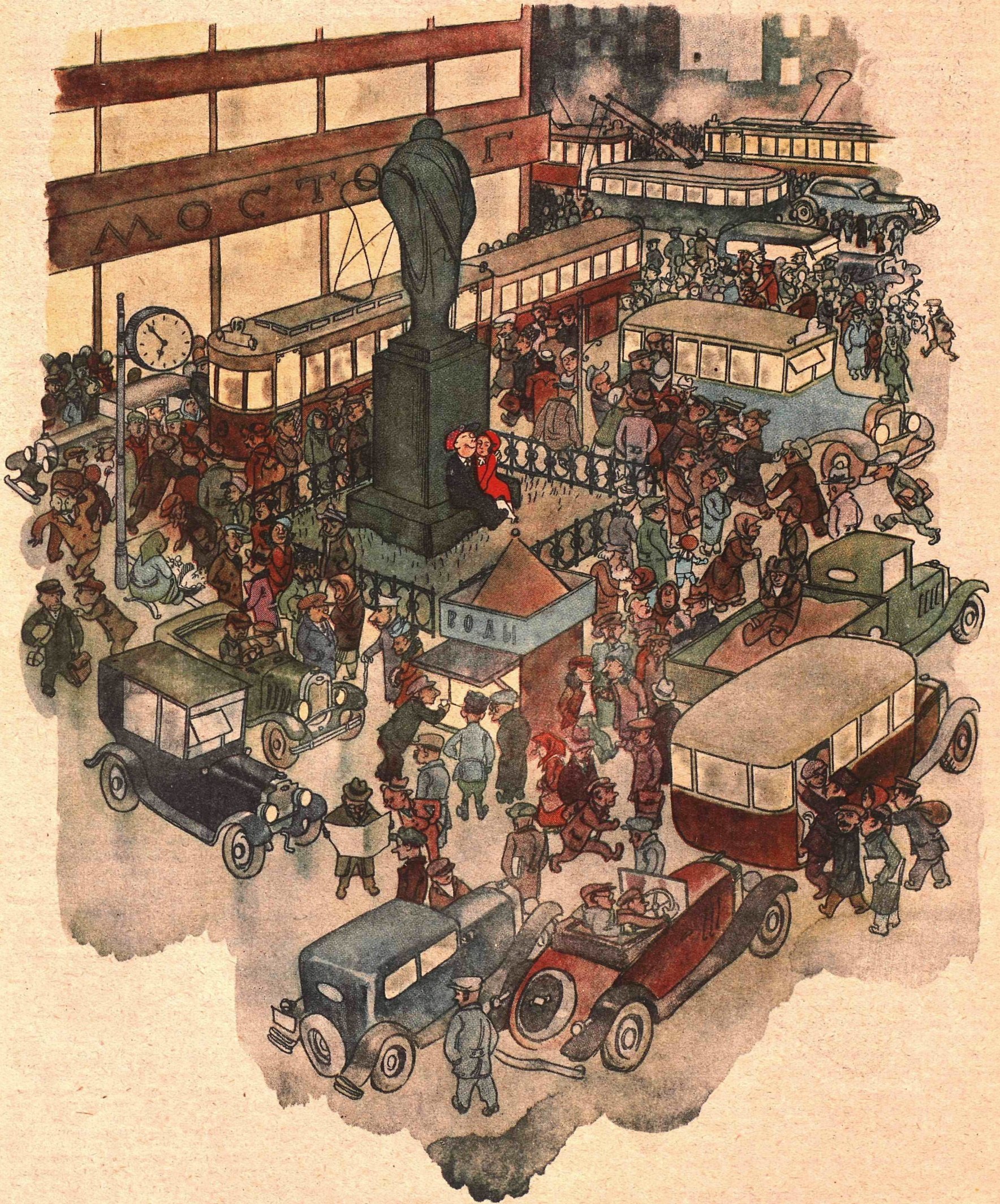
Рис. К. Ротова

Но брюки он купил в Мосторге;
От них Онегин не в восторге:
На брюках пуговицы нет.

(ПРИМЕЧАНИЕ „КРОКОДИЛА“).

Рис. М. Храпковского

— Наконец-то мы одни!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Прошу тебя, сделай одолжение, предупреди всех своих иногородних читателей:

— Не проезжайте через Москву!

Я даю такой совет на основании личного опыта. Я возвращался из Кисловодска в Самару. Решил заехать на день, от поезда к поезду, в Москву.

В Москве, в 48-м почтовом отделении, меня ожидал телеграфный перевод от жены на 150 рублей.

Пришел я на почту, скавал, от кого жду денег, предъявил служебное удостоверение, курортную книжку и паспорт. Все честь-честью. Но деньги мне выдать отказались: на моем паспорте не было отметки о том, что я проживаю в Москве.

Я снова показываю курортную книжку, удостоверение, железнодорожный билет. Но почтовики непоколебимы, как скала. Я — к заву. Тот сует мне инструкцию НКСвязи.

Куда жаловаться? К кому обратиться за советом?

Только случай вывел меня из беды. Спасибо приятелю из Наркомсвязи: выручил меня, написал записку в 48-е отд., и я получил свои деньги.

Но чего мне это стоило?! Плацкарту свою я потерял. 15 рублей на этом я потерял, а, главное, целый день, в который я так много мог бы успеть, я тоже потерял.

И все из-за упрямых почтовиков!

Дорогой Крокодил! Я надеюсь, что ты в суматохе своих многочисленных дел не потеряешь из виду работников 48-го почтового отделения и авторов злополучной инструкции из Наркомсвязи и выдашь им без задержек свою грамоту.

И. Д. РЫЛОВ.

Самара.

Дорогой Крокодил!

Разрешите узнать через тебя, во всех ли санаториях главный врач ходит ночью с фонарем по комнатам и пересчитывает спящих: не убежал ли кто-нибудь, или это только в Евпаторийском санатории ВОК?

Мы думаем, что не во всех. И не во всех санаториях клопы ползают по стенкам с видом некормленных собак. И не во всех санаториях будят по утрам женщин, стаскивая с них одеяла. И не везде, наверное, в санаторных ларьках вместо фруктов продаются мужские подтяжки. И не во всех санаториях, должно быть, обедают в мертвый час.

Не сердись на нас за такие пессимистические вопросы. Мы только что лечились в санатории ВОК, и с нас нечего спрашивать: человеческий организм не все переносит легко. Думаем, что и верблюжий организм вряд ли с завидной легкостью перенес бы такой санаторный режим!

РАБИНОВИЧ, ЮЛИН и др.

Евпатория.

Дорогой Крокодил!

Ты ратуешь за культуру и, конечно, презираешь людей, которые не ходят в баню.

Я вот, например, хожу, но толку от этого мало. Зашел я недавно в Тихвинскую баню, разделся, взял шайку, налил воду, а донести ее не мог: в шайке дыра. Хотел взять другую — нет ручки. Подошел к третьей, а у нее, вообще, дна нет.

Вот ты скажешь, что я пишу о мелкой глупости, а попробуй ты сам помыться в бане без шайки, а после этого гони людей в баню. Нельзя же с собой из дому брать тазы, мыльную пену, да еще, может, пар с собой захватывать?

Вот тебе и мелкие глупости! А человек ходит немой и читает лозунги. Мы с тобой оба — москвичи, выручай, дорогой!

С. МЕЛЬШИКОВ.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Ты можешь поднимать всякие вопросы.

Предложи, пожалуйста, чтобы из обращения уже устаревшую поговорку: «Верно, как в аптеке на весах». У нас, например, в Ташкенте госинспекция обнаружила в целом ряде аптек систематическое обвешивание покупателей.

Трудно представить, как можно обвесить аптечного покупателя: ведь, не килограммами же он покупает фенацетин или аспирин. Но, очевидно, представить все же труднее, чем обвесить. Сообщаю это тебе просто для сведения, чтобы твои читатели были осторожны в аптеках и перевешивали потом лекарство хотя бы на обыкновенных амбарных весах. Может быть, они — вернее.

Б. ОРЛЫГИН.

Ташкент.

Дорогой Крокодил!

В «Официальном указателе железнодорожных сообщений на 1934 г.» (выпуск 24, редактор В. Брыль) указано, что расстояние от Москвы до Тифлиса через Воронеж 3.019 километров, а обратно из Тифлиса в Москву через Воронеж 3.076. Через Харьков — 3.092 километра, а обратно — 3.138 километров.

Не напоминает ли это тебе случайно того объяснителя из зверинца, который уверял, что обыкновенный бегемот имеет от головы до хвоста три аршина, а от хвоста до головы четыре с половиной?

А если напоминает, то не следует ли ему попрежнему оставаться при бегемоте и не редактировать официальные справочники?

П. ДОБРОНРАВИН.

Абасстуман, Грузия.

Дорогой Крокодил!

Назначили меня в гор. Усолье директором Востсибторга. После недолгих сборов уложил я пожитки своей семьи и 2 сентября чуть свет направился на Иркутскую городскую ж.-д. станцию.

В 10 часов утра дошла до меня очередь. Предъявляю кассирше документы. Дают билет только мне.

— Для семьи билеты получите в общей кассе, в порядке очереди.

Я пытался возразить:

— Снова статья в очередь? И покупать билеты в разные вагоны? Жена, двое детей...

Меня и слушать не стали.

Бросился я к начальнику станции. От безмолвного истукана, право, можно добиться больше толку, чем от начальника иркутской городской станции.

Что делать? Не оставлять же семью и поехать одному!

Помчался в город в Комиссию советского контроля. Оттуда повзвонил на станцию. Но билета я так и не получил.

Только после повторного звонка из Совконтроля мне лишь в 12 час. дня выдали билеты для семьи.

Так бюрократы из иркутской городской станции по-своему поняли и осуществляют дифференцированное обслуживание населения.

Хорошо еще, что так случилось.

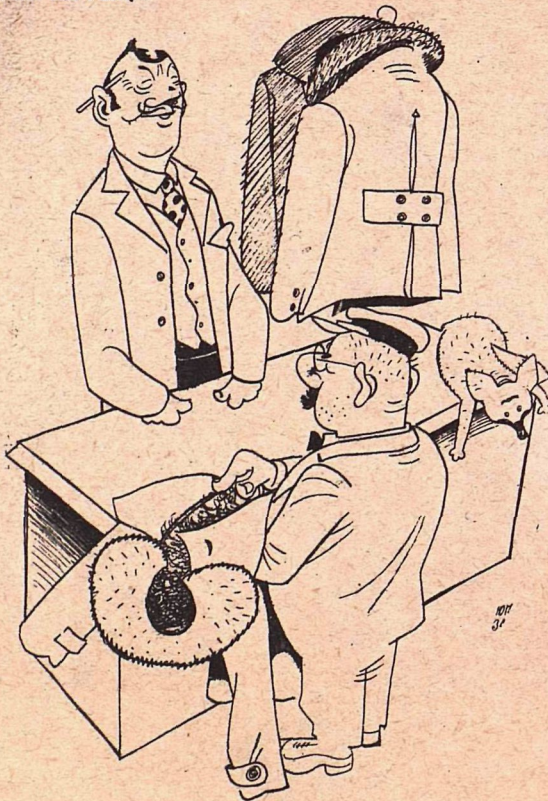
Если чиновников не одернуть, то долго ждать, они создадут специальные кассы для продажи билетов отдельно для семейных, для холостяков, для детей определенного возраста.

Усолье.

Д. ТОЛСТОУХОВ.

ЧУДО В ЖИВОТНОМ МИРЕ

Рис. Ю. Ганфа

— Мне нужна простая лисица на шубу, а вы мне даете седую...

— А это она сама поседела, когда мы новую расценку поставили.

На «Настеньку Устинову» взрослые могут ходить поодиночке. Но школьникам следует водить целыми классами. Пусть дети учатся заранее, как не надо писать сценариев. Это им всегда пригодится в будущем.

Одной только необходимой деталюшкой не увидят бедные дети в этой картине: перевернутой фабричной трубы, снятой снизу, и облаков пара, вырвавшегося из гудка. Остальной ассортимент весь налицо. И колеса, наезжающие на облако, и джаз, наезжающий на безработных, и гармошка, наезжающая на луну, и сюжет, наезжающий на зрителя с такой экспрессией, что в темном зале кино слышатся тревожные шопоты:

— А почему у неизвестной дочери борода или она вообще не дочь, а поезд?

Есть такой очень старый анекдот. Гурман в ресторане заказывает официанту особый бифштекс по своему вкусу:

— Сверху поджарено. Понял? Снизу поджарено. Понял? В середине сыровато. Понял? Сбоку картошечка-фри. Понял? С другого — горошек. Понял? Да чтобы картошечка румяная была, горошек сладкий, а корочка хрустела... Понял?

— Понял. Слушаю-с. Официант почтительно кланяется, бежит к другому столу и набегу сбрасывает бфетчику:

— Один бифштекс обыкновенный! Приблизительно по такому же способу у нас зачастую делаются и кинокартины.

В киногазетах идут бурные дискуссии: нужен ли нам шаблон или не нужен. Кто-то доказывает, что мы уже переросли шаблон. Кто-то доказывает, что мы еще не доросли до шаблона. Кто-то вопит, что нужен сюжет. Кто-то доказывает, что сюжет нужен нашим врагам, а мы на данном отрезке времени обойдемся без сюжета, и ничего с нами не будет. На собраниях и дискуссиях голосуют за пленку и за женские роли. Другие, наоборот, — за звук и типаж. Третьи — только за перевернутую фабричную трубу плюс Эйзенштейн. Четвертые — за красивую жизнь минус Эйзенштейн.

Директор кинофабрики, выслушав эти социальные заказы, берет телефонную трубку и между двумя глотками чая с пеплом директивно сносятся с дежурным сценаристом:

— Один сценарий обыкновенный!

Получив такое распоряжение, сценарист (он же заведующий сценарным отделом, он же консультант, он же свой человек и вообще Елизавет Воробей) начинает раскладывать на столе киноприемчики и выбирает неиспользованный за последний отчетный квартал.

Приемчиков немного — и спутаться в них трудно.

Приемчик № 1: старый рабочий плюс новая жизнь, минус среда, помноженная на разложение.

Приемчик № 2: иностранец, деленный на, безработицу и умноженный

на скобки: любовь плюс строительство.

«Настенька Устинова» отщелкала на машинке по комбинированному приемчику из № 2, № 7, № 11 и кусочка № 19.

— Один зверь-фабрикант — один, одно обольщение — одно, один негр-тянский джаз — один, два старых рабочих — два, два бывших человека — два, один цыганский романс — один, один сверляльный станок — один, три морских волны — три, две тысячи метров — две...

К этому добавляется поездка на крымские пляжи для заснятия семи показательных морских волн в анфас и профиль — и картина готова!.. В готовую, уже по приезде труппы из Крыма, вставляется собрание ударников, пухлый советский ребенок на руках у седого доброго доктора, а также список всего многочисленного штата фабрики, не исключая тех, которые в декретном отпуске.

После этого картина идет в производство. Зрители смотрят, скучают, но думают, что это так надо, потому что картина идеологическая. А дежурный сценарист сидит, спрятавшись за экран, и ядовито посмеивается:

— Попробуй, не похвали, если у меня на каждом метре очередное перерождение, через метр — признание, а по всему фону — монолитное ура!..

Мы открыто и нераскаянно нарушаем это желанное спокойствие дежурного сценариста. Картонная у вас идеология, дежурный. И роли картонные. И люди у вас — с плакатов, давно уже забракованных. И прекрасные актеры разыгрывают картонные положения. И джаз у вас приклеен для приманки футбольных завсегдадаев в кино. И цыганские романсы для того же. И эйзенштейновские приемы — для прикрытия зияющих пустот сюжета. И прекрасная балерина Семенова снята только для афиши, а не для того, чтобы показать настоящий танец на экране. И голая мелодрама у вас из гомеопатических музеев ужасов. И вообще зачем писать и ставить плохие сценарии, когда можно и писать и ставить хорошие?

Пусть ставят плохие картины наши классовые враги. Нам уже поздно ставить плохие картины,

ЗИН. ТИГРЕНКО

На этот раз рельсы гудят о действиях начальника Восточносибирских дорог т. Гольшера.

Тов. Гольшера захотелось перебросить свой служебный вагон со ст. Иннокентьевской за семь километров на ст. Батарейную не обычным путем, а только с транссибирским экспрессом. Начальник поезда отказался прицеплять вагон, так как это противоречило правилам технической эксплуатации.

Гольшер арестовал начальника поезда, арестовал двух проводников. Но вагон его все-таки с экспрессом не ушел. Экспресс задержался на станции на 1 ч. 2 м. Это было 6 сентября 1934 г.

Транссибирский экспресс — поезд международного значения. Тов. Гольшер занимает высокий пост, — он начальник дороги, что, впрочем, не должно иметь никакого значения для НКПС.

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Мы лишены, к сожалению, возможности показать нашему читателю кладбище, которое прославилось на весь Союз тем, что на нем управляющий заготконторой Мичуринского района, Воронежской области, т. Ищенко похоронил грибы на 140 тыс. рублей.

Эти грибы были отправлены в Донбасс. Грибы оказались порченными, и в Донбассе приняты их отказались. Грибы вернулись обратно на родину. Здесь их превратили в грибную икру.

Но и это не помогло. Гнилые грибы не избежали своей горькой участи, — они попали на свалку. Какая участь постигнет управляющего заготконторой Ищенко, скажет Комиссия советского контроля.

ЗА НЕИМЕНИЕМ

Не спорим: в вузовском общежитии всегда может нехватить места для лишнего человека. Кровать надо поставить. Чемодан надо спрятать. А кроме кровати и чемодана надо и самому человеку как-нибудь примоститься. Хотя бы в сложенном и согнутом виде.

Иное дело с заочником. Последний грызет гранит науки за тысячу километров от центра знаний, не посягая своим организмом, весом и емкостью ни на чью кубатуру и жилплощадь. Но, оказывается, что это только теория. На практике дело обстоит несколько хуже.

Товарищ Андреев из Прилук захотел быть заочником Московского

ветеринарного института. Подал анкету, заявления и все, что полагается. Ответ был краток и ясен:

«За неимением общежития прием на рабфак прекращен.

Секретарь (подпись неразборчива)»

Спрашивается: зачем заочнику, живущему в Прилуках, нужно общежитие в Москве? И еще спрашивается: читает ли кто-либо в ветеринарном институте собственные резолюции? И не будет ли отвечено какому-либо очередному заочнику в таком роде:

«Ваше заявление получено. В виду перевода Харькова в Киев рекомендуем поступить заочником не в наш институт, а в Академию наук.»

ТВЕРДАЯ РУКА

Начальник Кременчугского железнодорожного техникума т. Денисов умеет-таки поднимать события на принципиальную высоту. Не откажешь ему в этом.

Вот, например, какую приятную атмосферу он сумел создать во время студенческой партчистки одним только приказом:

«8/IX—34 г. в 3½ часа дня все студенты техникума должны явиться на партчистку в аудиторию № 3. Старостам курсов приказываю произвести регистрацию до начала заседания и после его списки присутствующих передать мне.»

Команданту общежития приказываю запретить помещение общежития студентов и не пускать последних до окончания заседания.

Заведующему столовой студентов приказываю не давать ужина также до окончания заседания комиссии по чистке парторганизации.

Студенты, не пришедшие на партчистку, будут лишены стипендии!»

К этому надо прибавить еще один пункт:

«Опоздавшие на чистку подлежат физическому уничтожению и проклятию потомков!»

И сталь будет соблюден на все сто процентов. Умри, Денисов, а лучше не напишешь!

БЛУЖДАЮЩИЙ „АРТЕМ“

Четыре ошибки в трехбуквенном слове «еще»! Это, сознаться, дается не всякому. Дотошные грамотеи умудрялись писать «исчо».

Рекорд долгое время оставался непревзойденным. Но... не сегодня-завтра мы, несомненно, получим известие, что досадное отставание будет ликвидировано.

По крайней мере, первые смелые шаги в этом направлении уже приняты. Пионером пока по праву считается газета «Вечерняя Москва». 14 августа «Вечерняя Москва» сообщила, что:

«Ежедневная печатная газета „Артемовец“ начала выходить на лучшей в Советском союзе шахте „Артем“. Это первая в Донбассе шахтная газета.»

Надо отдать должное «Вечерней Москве»: она умеет излагать свои

мысли кратко и четко. Четыре строки и... столько новостей. Каких новостей!

Во-первых, газета «Артемовец» выходит ежедневно давно.

Во-вторых, не только один «Артемовец» выходит ежедневно. Таких ежедневных газет на шахтах Донбасса много. И существуют они давно.

Точно так же, в-третьих, много в Донбассе печатных шахтных газет.

И, в-четвертых, шахта «Артем» до опубликования заметки в «Вечерней Москве» преспокойно находилась не в Донбассе, а на Северном Кавказе.

И, в-пятых, если так легко перемещать шахты, то не легче ли было бы переместить в отдел информации более грамотных сотрудников из других отделов?

НОВАЯ ПРОФЕССИЯ

Рис. Л. Бродаты

АРХИВ

4 ОКТ 1934

Г. Ц. Н. П.

— Любочка, говорят, вышла замуж. За кого?
— За одного командировочного.